ВИЛЕНСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 38.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 22-го ДНЯ 1856 ГОДА.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Содержаніе: Письмо изъ Москвы.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ.

Священное Коронованіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.— Торжество народа.— Иллюминація.— Палатка вокругъ Церкви что у Спаса на Бору.— Приготовленія на Ходынкѣ и насупротивъ Головинскаго Дворца.

Подъ вліяніемъ чарующаго обаянія взялся я за перо, но не знаю, сумѣю ли передать хотя частицу того, что видѣлъ и чувствовалъ 26 го Августа. Этотъ день останется памятенъ всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ счастіе видѣть все происходившее въ Москвѣ.

Въ воскресенье, 26-го Августа, часовъ съ шести утра, вокругъ Кремля и у Дворца толпилось безчисленное множество народа. Одни явились для занятія мѣстъ въ галереяхъ, выстроенныхъ внутри Кремля, и продававшихся по баснословной цѣнѣ по 50 и 100 р. с. за мѣсто; другіе же пришли по билетамъ, только для входа въ Кремль, которые раздавались полиціею безплатно отъ Г. Министра Двора.

Не смотря на безлисленное множество экипажей и пѣшеходовъ, толпившихся по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, порядовъ былъ изумительный, что дѣлаетъ честь распорядительности Московской Полиціи.

Къ одинадцати часамъ утра, Москва не имѣла уже улицъ; массы народа потопили ихъ. Это было, въ полномъ смыслѣ слова, какія-то плотныя стѣны плотины, сквозь которыя не проникла бы вода. Тверская, Моховая, Волхонка, средина Кремля, площадь предъ Дворцемъ и соборами, площадь предъ Гостинымъ дворомъ, Никольская, Ильинка, Лубянка, Театральная площадь и близъ-лежащія улицы, все обратилось въ одну непроходимую массу, до того, что легче было бы итти по головамъ, чѣмъ проталкиваться сквозь толпу.

Много было людей изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи, какъ то видно было по костюмамъ давно прошедшихъ модъ и по дорожнымъ колымагамъ; и какъ слышно было изъ разсказовъ откровенныхъ провинціяловъ, познакомившихся въ какіе нибудь два, три часа съ своими сосѣдами, тоже нарочно пріѣхавшими изъ отдаленныхъ мѣстъ обширной Россіи, чтобъ присутствовать при Св. Коронованіи. Всѣ они толпились въ экипажахъ и пѣшіе; тутъ были помѣщики, купцы, служащіе и даже мужички,

прибывшіе изъ далекихъ деревень; видно было, по дружескому разговору и живой бесѣдѣ, что это дѣти одного Царя, члены одной семьи. Съ неменьшей радостью толпились тутъ Армяне, Татары въ серебряныхъ ермолкахъ, и щеголоватые Евреи въ пальмерстонахъ по самые пятки, и къ этой группѣ примѣшивалась порою прислуга иностранныхъ пословъ.

Никто не запомнитъ, чтобъ матушка Москва вмѣщала въ себѣ такую массу гостей. Въ Москвѣ не было пустаго пространства. Вездѣ, куда бы вы ни взглянули, ѣхали, ходили, стояли, сидѣли и лежали добрые люди, особенно по травкѣ въ Александровскомъ Саду и вокругъ Кремля, и съ какимъ-то лихорадочнымъ ожиданіемъ готовились встрѣтить дружнымъ ура выходъ любимаго, вѣнчаннаго Помазанника Божія.

Сверхъ множества лицъ самаго высшаго круга, занимавшихъ мѣста въ Кремлѣ по галереямъ, въ самомъ Кремлѣ по билетамъ и безъ оныхъ было тысячь до ста двадцати народа. Когда большой колоколъ загудѣлъ, а прочіе колокола, акомпанируя старшему собрату, заголосили на всѣ возможные тоны, когда Государь Императоръ съ Государынею Императрицею въ коронахъ, подъ балдахиномъ, вышли изъ Успенскаго въ Архангельскій и Благовѣщенскій Соборы, народъ, находившійся въ Кремлѣ, грянулъ ура, музыка заиграла національный гимнъ! „Боже, Царя храни", послѣ чего, будто отъ электрическаго сотрясенія, вся масса, внѣ Кремля, грянула за Кремлевскими зрителями ура! и эхо, долго не умолкавшее, заглушало пушечные выстрѣлы.

Но когда церемонія кончилась, и Государь Императоръ взошелъ на крыльцо въ свои аппартаменты, обративъ свѣтлый взоръ Свой на народъ, Его окружавшій, когда Государь привѣтливо взглянулъ на Своихъ подданныхъ, ни какой ревъ бури, ни грохотъ водопада немогъ сравниться съ разразившимся крикомъ ура!

Отрадны и умилительны были эти минуты для каждаго изъ зрителей. Сердца едва не выскочили отъ радости; у всѣхъ блестѣли на глазахъ слезы. Эти слезы были чистѣйшій ѳиміамъ къ Подателю всѣхъ благъ, къ Зиждителю міра, о ниспосланіи на главу Помазанника силу мощную на страхъ врагамъ, на счастіе, долголѣтіе, покой и благоденствіе.

Но чтобъ ни сказалъ я, все будетъ слабо. Повторю съ арабскимъ поэтомъ: „Если бъ лѣса всего міра обратились въ перья, а воды всѣхъ морей въ чернила," и тогда невозможно было бы описать впечатлѣніе этой минуты, доступное лишь чувствамъ Русскаго человѣка, но никому другому.

Никто не думалъ объ обѣдѣ. Утомленные зрители находили безпрестанно предлоги изливать свой восторгъ, и громкіе клики радости не умолкали весь день: площади и улицы не пустѣли, не смотря на то, что Св. Коронованіе было уже кончено. Казалось, всѣ, забывъ, что у нихъ есть домы, считали себя жильцами площадей.

Вслѣдъ за окончаніемъ церемоніи начались прогулки по городу и наблюденія. Стали готовить плошки, шкалики и разноцвѣтные фонари, и въ этихъ прогулкахъ народъ проходилъ до самаго вечера, когда Москва утонула въ огненномъ морѣ.

Трудно выразить и то впечатлѣніе, которое ощущалъ каждый вечеромъ 26-го Августа. По улицамъ было свѣтло какъ днемъ, и матовый свѣтъ огней, отъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ, туманилъ взоръ гуляющихъ. Издали, при взглядѣ на Кремль, на башни, на внутренность всего Кремля, на дивную овальную Театральную Площадь, казалось, что вы чародѣйною силой перенесены въ иной міръ. Ничего подобнаго Москва не видала еще. Казалось что сводъ неба, съ миріадами звѣздъ, изрѣзанъ былъ опытною рукою на оклейку всей Москвы. Не было дома, который не былъ бы иллюминованъ; освѣщены были даже смиренныя будки. Отъ

такихъ безчисленныхъ огней поднималось страшное зарево, и изъ отдаленныхъ улицъ города, куда я нарочно проѣхалъ, казалось, будто весь городъ догораетъ. Видъ этой иллюминаціи съ Воробьевыхъ Горъ былъ еще восхитительнѣе.

Картина этой иллюминаціи у видѣвшихъ ее останется въ памяти на всю жизнь. Чтобъ описать всѣ домы, какъ частные, такъ и казенные, которые заслуживали вниманія, нѣтъ рѣшительно никакой возможности, не смотря на то, что я объѣздилъ верхомъ самыя замѣчательныя мѣста. Замѣчательнѣе всего и болѣе заслуживающія вниманія безъ сомнѣнія, были: наружность и внутренность Кремля, съ его роскошными колоннами, украшенными разнымъ оружіемъ, блестѣвшимъ какъ на солнцѣ, среди великолѣпныхъ транспарантовъ; Театральная площадь и самый театръ съ вновь выстроеннымъ для артистовъ домомъ; манежъ; Университетъ; домъ Г. Римскаго-Корсакова, занимаемый Французскимъ Посломъ; домъ Г. Генералъ-Губернатора, занимаемый Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, Почтамтъ, Купеческій Клубъ, домы Г. Ромина, Графа Шереметева, у котораго толпилась почти вся Москва, Красныя и Тріумфальныя Ворота; Дворянское Собраніе, Англійскій Клубъ, Биржа, съ своимъ затѣйливымъ большимъ транспарантомъ, и проч. и проч. Среди всего гордо красовался Иванъ Великій, и сіявшій блескъ его видѣнъ былъ по всей Москвѣ. Мы знаемъ, что много семействъ просидѣли весь вечеръ дома, любуясь изъ оконъ своихъ гигантомъ до тѣхъ поръ, пока послѣдняя искра его не погасла. Крестъ великана былъ вычеканенъ, какъ будто изъ кипящей лавы.

Также замѣчательны были церковь Василія Блаженнаго и Воспитательный Домъ, казавшійся, по своей гигантской необъятной формѣ, какимъ-то заколдованнымъ замкомъ, ускользавшимъ отъ путника ночною порой.

Видъ съ новаго Дворца на набережную Москвы рѣки, на рядъ безчисленныхъ домовъ Замоскворѣчья, былъ фантастически восхитителенъ.

Ни что не можетъ сравниться съ очаровательною картиною всей Москвы, въ обыкновенное время, съ Дворцовой Площади, но, во время иллюминаціи, видъ съ этой площади, или съ колокольни Ивана Великаго на отдаленные домы Москвы, приводилъ зрителя въ дивный восторгъ. Никакое перо, никакая кисть самаго лучшаго пейзажиста не въ состояніи были передать всей чарующей и наполняющей сердце прелести этой роскошной панорамы, отдѣльно и въ цѣлости.

Не сомнѣваемся, что если бъ время стояло и не столь благопріятное, или даже была дождливая погода, то стеченіе народа было бы не менѣе, а на этотъ разъ, съ 23-го Августа въ Москвѣ стояли прекрасные дни, 26-го же числа даже ночью было жарко ходить.

Повсюду, гдѣ только позволяла мѣстность, гремѣла музыка, и гулявшіе до поздней ночи вездѣ были пѣшкомъ и въ экипажахъ.

Часу въ десятомъ вечера, когда огни были во всемъ блескѣ и мерцавшій блескъ ихъ трепеталъ вдали чудною красою, подобно алмазамъ чистѣйшей воды Государь Императоръ изволилъ проѣхать два раза по Тверской и другимъ улицамъ, со всею Августѣйшею Фамиліею и свитою. Народъ рвался къ экипажу, такъ что затруднялъ поѣздъ. Государь Императоръ милостиво привѣтствовалъ своихъ подданныхъ, кричавшихъ ура, звукъ котораго разносился отъ Кремля до Тріумфальныхъ Воротъ, куда слѣдовалъ поѣздъ.

Когда Государь соизволилъ возвратиться въ Кремль, народъ вновь хлынулъ туда.

Не знаю, какъ могъ вмѣщать въ себѣ старикъ Кремль такую массу народа. Отъ одного веселаго говора народа кипѣло какъ въ парови-

кѣ: издали казалось, что это шумъ безконечнаго лѣса, потрясаемаго бурей.

Никто не забудетъ дня 26 Августа, и да послужитъ это новымъ залогомъ для счастія Россіи!

Къ числу замѣчательныхъ построекъ по случаю Коронаціи, замѣчательна палатка, устроенная въ Кремлѣ, у Церкви Спаса, что на Бору, Архитекторомъ Адольфомъ Ивановичемъ Фриборгомъ. Палатка сдѣлана треугольникомъ съ замѣчательнымъ вкусомъ и невиданною еще роскошью. Планъ палатки, и все до послѣдней мелочи, начиная отъ выкладки узоровъ, до разстановки дорогихъ растеній, принадлежитъ Г. Фриборгу. Иностранцы сознавались, что подобной роскоши, по плану и отдѣлкѣ, они не видали у себя. Пататка назначена, между прочимъ, для облегченія покоевъ во время маскарада, назначеннаго въ Кремлевскомъ Дворцѣ.

Ходынское Поле, что у Петровскаго Дворца, готовится принять на парадный праздникъ безчисленное множество гостей. Это тоже будетъ замѣчательное въ своемъ родѣ событіе. На этомъ полѣ наготовлены: восемъ галерей, по тридцати саженъ длины; Царская бесѣдка; шесть фонтановъ меньшаго размѣра, два большихъ; шестьсотъ шестьдесятъ два стола, по тридцати аршинъ каждый; двѣ бесѣдки для оркестровъ; четыре барієра съ возвышенностями, тоже для оркестровъ; циркъ предъ Царскою бесѣдкой; два большіе театра; два для маріонетокъ; двое горъ, множество качелей и другихъ увеселеній. Также не менѣе занимательны и великолѣпны устройства для фейерверка, насупротивъ Головинскаго Дворца; но объ этихъ подробностяхъ сообщу въ свое время. *А. Кресинъ.*

(*Сѣв. Пч.*)

Вильно, въ Губернской Типографіи.— Печ. позвол. 22 Сентября 1856 г. Ценсоръ Стат. Сов. и Кав. А. Мухинъ.